

СОЧИНЕНІЯ
ЮРІЯ ФЕДОРОВИЧА
САМАРИНА.

Томъ шестой.

Юрид Самаринъ

ого должны бы были ограничиваться удовлетворением материальных потребностей, приступало прямо къ самымъ отвлеченнымъ и труднымъ вопросамъ, къ тѣмъ недостижимымъ вершинамъ, передъ которыми оно стоитъ и теперь. Еще темнѣе для насъ начало психической жизни въ ребенкѣ. Легкость, съ которою онъ усвоиваетъ себѣ все, что ему говорится о мѣрѣ необходимомъ, о Богѣ, о добрѣ и злѣ, о совѣти и т. д. позволяетъ думать, что въ передаваемыхъ ему понятіяхъ онъ находитъ только формулы или названія для предметовъ, какъ будто уже знакомыхъ ему по внутреннимъ ощущеніямъ, вызываемымъ въ немъ дѣйствіемъ невещественной среды. Разрѣшить этотъ вопросъ путемъ какихъ либо наблюдений надъ другими детьми невозможно. — Помню, что наша община пригласила, Эдита Федоровна Радець, какъ то разъ сказала мнѣ: *la religion est avant tout une chose d'expérience personnelle*. Въ этихъ словахъ глубокая правда. Дѣйствительно, Откровеніе, данное всему человечеству въ объективной формѣ, предпосылаетъ непременно непосредственное, личное откровеніе, само обращенное къ каждому субъекту порознь и доносящее до него черезъ всѣ событія внутренней и внешней его жизни. Доказать этого, конечно, нельзя (точно такъ, какъ нельзя доказать произвольности того или другого поступка—ее можно только *признать*); вѣра, же есть опознаніе и признаніе этого голоса, не вынуждается никакими доводами; она есть актъ свободы, оттого и приписывается ей спасительная сила. Но я утверждаю только, что признаніе *непосредственно* общенія души съ источникомъ психической и физической жизни несколько не противорѣчитъ одному изъ нашихъ положеній (назову его первымъ) и исключается вторымъ единственно потому, что послѣднее само не мирится съ первымъ.

Перехожу прямо къ вопросу о психической свободѣ, или, какъ у насъ принято называть ее, о произвольности *). Вы

*) Здесь позволяю мнѣ придраться къ слову. Willkürlich (въ противоположность къ notwendig), мы вообще переводимъ словомъ произвольный, которое туго ричивательно не у вѣста, такъ какъ оно имѣетъ другой отгвѣнокъ, включающій въ себя, кромѣ понятія вѣннужденности, еще и понятіе произвожности или авторитарности. Противоположъ свободы такое отождествленіе ея съ произвожностью въ словѣ очень съ руши, ибо причааетъ вполноволь къ отождествле-

очень вѣрно поняли и опредѣлили ея важность. Дѣйствительно, въ произвольности (я уже буду придерживаться принятой терминологіи) заключается условіе самостоятельности психической жизни и характерной ей признакъ, такъ что еслибъ удалось матеріалистамъ ее *wegzudemonstrieren*, то психическая жизнь окончательно слилась бы съ физической, и между психологією и физиологією установилось бы такое же отношеніе, какое существовало между алхимією и химією, пока первая соебѣмъ не исчезла. Ваша глава VII, посвященная этому вопросу, на мой взглядъ, есть самая лучшая по тонкости анализа, по глубинѣ и вѣрности многихъ отдѣльныхъ мыслей (особенно въ отрицательной частн), и въ то же время самая неудовлетворительная въ положительныхъ результатахъ, на которыхъ вы остановились. По внимательномъ, неоднократномъ ея прочтеніи, я все таки остаюсь въ недоумѣніи: признаете ли вы произвольность въ дѣйствіяхъ или вѣтъ? Вижу только, что вамъ было бы крайне тяжело отъ нея отказаться.

На стр. 157-ой высказывается, какъ результатъ научныхъ изслѣдованій, что въ смыслѣ *объективно*, ни произвольныхъ, ни случайныхъ событій быть не можетъ и вѣтъ; что вѣбъ они необходимы, только съ отгвѣтами, а именно: „событія, приписываемыя произволу, тоже необходимы, но нѣтъ необходимости зависѣть непосредственно не отъ внешнего мѣра, а отъ воли лица, *хотя эта воля тоже опредѣляется необходимыми мотивами*“. Стало быть, случайность и произвольность существуютъ только въ смыслѣ субъективномъ. Я понимаю это такимъ образомъ: случайность и произвольность для услов-

ню самыхъ понятій; но для сторонниковъ свободы это крайне неудобно. Нужно бы, для противоположенія необходимости, подобрать терминъ, соответствующій Латинскому *arbitrium, qui sibi arbitrio sua*. Если почему либо приходится, что слово *свобода* для этого не годится, то остается прибѣгнуть къ составнымъ, приспокупили къ другимъ словамъ слово *само*. Напримеръ, *willkürliche Zeugung* (*generatio aequivoca*) вполнѣ переводится словами: *самоизвѣстнѣе* или *самозарожденіе*. Почему бы не ввести вѣето: способность произвольно выбирать или вызывать въ себя побужденія—способность *самопобужденія*, вмѣстѣ: способность произвольно себя истраивать—способность *самоистраиванія* и т. д. Наша читающая публика скоро бы къ этому привыкла. Тѣмъ еще она поронариваетъ!

ныхъ терминахъ; употребивъ первый, мы даемъ знать, что мы отрываемъ одну событіе отъ серии предшествовавшихъ ему и ближайшихъ къ нему (которыми обуславливается его необходимость) и сводимъ его съ другимъ событіемъ, обуславливающимъ другую серію причинъ и послѣдствій; а, употребивъ второй терминъ (*произвольность*), мы являемъ только, что психическая причина, вынудившая необходимость психическаго факта, въ данномъ случаѣ ускользаетъ отъ нашего сознанія—c'est un ven d'ignorer. На этомъ вы, мнѣ кажется, должны бы были остановиться и отказаться отъ всякой дальнейшей гонимы за произвольностью въ дѣятельности. Вы однако предпринимаете этотъ благодарный трудъ и начинаете съ того, что откидываете дѣйствія непривольныя, въ надеждѣ, что что-нибудь да останется. Къ непривольнымъ мы относимъ: не въ дѣйствіи рефлективные, не въ безсознательныя, не въ поступки, хотя и сознательныя, но выполняемые подъ нестраннымъ вліяніемъ побужденій, физическихъ или психическихъ, которыхъ человекъ не въ состояніи одолѣть. Далѣе оказывается, что сознательныя дѣйствія, вышедши изъ внутренней борьбы разнородныхъ побужденій, также не входятъ въ категорію произвольныхъ, ибо борьба побужденій и побѣда однакъ идутъ другими совершаются по законамъ механики: сильнѣйшее беретъ верхъ надъ слабѣйшимъ, а степень ихъ относительной силы въ данную минуту обуславливается всею предшествовавшею жизнью человека, то есть рядомъ моментовъ, въ которыхъ неходъ борьбы все такъ обуславливается тѣмъ же закономъ. Этимъ упрощается воля, какъ боевое орудіе противъ невольныхъ побужденій. Наконецъ, вы выражаетесь еще общѣе, говоря, что всякое опредѣленное душевное состояніе (иначе: всякое оцущаемое побужденіе) „дѣйствуетъ на человека необходимыми образомъ и вызываетъ непривольныя поступки“.

Слало быть: гдѣ есть побужденіе къ дѣйствию, тамъ и есть произвольности въ дѣйствіи и потому, для снженія произвольности, нужно бы признавать категорію дѣйствій сознательныхъ и въ то же время совершаемыхъ безъ всякаго побужденія. „Такихъ нѣтъ“—отвѣчаете вы,—ибо и произвольныя дѣйствія совершаются не безъ побужденія, но отличительная ихъ осо-

бенность состоитъ въ томъ, что побужденіе къ нимъ вызывается (или выбирается) произвольно *самимъ* дѣйствующимъ лицомъ⁴. Но читателямъ было уже разъяснено выше, что самый актъ вызова или выбора есть уже психическій поступокъ, хотя юридически и невѣщаемый; здѣсь же говорится о побужденіи, какъ объ объектѣ этого поступка, о цѣли его, иначе о томъ, *что* вызывается, а нужно знать, *чѣмъ* производится этотъ вызовъ или выборъ?— Вы отвѣчаете: „ничѣмъ; я *самъ* его опредѣляю, *самъ, добровольно*, поставилъ себя въ зависимость отъ извѣстнаго душевнаго состоянія“ и т. д. Въ другомъ мѣстѣ: „въ произвольныхъ поступкахъ побужденіе вызывается *самимъ* дѣйствующимъ лицомъ *произвольно*“⁴. Въ третьемъ мѣстѣ: „при произвольной дѣятельности, мотивъ вынывается въ душѣ *произвольно*, безъ всякаго необходимаго побужденія (точнѣе было бы сказать просто: безъ всякаго побужденія) собственнымъ починомъ дѣйствующаго лица“ и т. д.

Изъ этихъ опредѣленій произвольной дѣятельности, позволите прежде всего вычеркнуть слова *произвольно* и *добровольно*. Сколько бы разъ мы ихъ повторили, что произвольно то, что произвольно, дѣло не уяснится. Я здѣсь придираюсь къ *личному* слову только потому, что это, мнѣ кажется, не простой *lyrus salami*. Въ сущности, произвольность улетучивается; ея ужь нѣтъ, стало быть, нѣтъ и признаковъ, по которымъ бы можно было опредѣлить ее, и потому, когда дѣло дошло до опредѣленія, вы были вынуждены ввести въ него, какъ признакъ, то самое свойство, которое оспаривается и требуетъ доказательства.

Затѣмъ, полученное нами опредѣленіе сводится къ слѣдующему: непривольныя дѣйствія, которыхъ причина въ побужденіи (какомъ бы то ни было); произвольны тѣ, которыхъ причиною *самъ* человекъ. Удареніе мысли падаетъ на слово *самъ*, и въ помѣтъ заключается вся суть отвѣта.

Съ этимъ я лично готовъ бы былъ согласиться, но предварительно предложу вамъ нѣкоторые вопросы. Отчего *самъ* человекъ выступилъ на сцену такъ поздно, и гдѣ онъ скрывался въ то время, когда съ его вѣдома и при полномъ его сознаніи, въ душѣ его бродили противоположныя побужденія, какъ

химическія вещества, брошенныя въ мѣдный сосудъ? Отчего *самъ* человекъ, съ которымъ мы только теперь встрѣчаемся, не вступился въ ихъ борьбу, не принялъ въ ней прямого участія, а предполагалъ, неизвестно съ чего, что исходъ ея предопредѣляется закономъ механики? Если *самому* человеку дана власть творить въ себѣ побужденія, знакомыя ему изъ прежняго опыта, то что же мѣшало *самому* человеку, изъ многихъ скрепящихся въ немъ побужденій, дать перевѣсъ одному надъ прочими? Мнѣ кажется, что въ этомъ случаѣ, укрываясь за механикою и ссылаясь на мнимую свою безвластность, *самъ* человекъ обманывалъ самого себя и самопроизвольно отказался отъ власти, которую самъ же онъ нашелъ въ себѣ не далье, какъ черезъ двѣ страницы.

Чуть ли не въ отвѣтъ на этотъ вопросъ, вѣроятно, предусмотрѣнный вами, говорите вы далье, что произвольный вызовъ или выборъ побужденій возможенъ только въ спокойномъ состояніи. Но состояніе совершенно спокойное не можетъ быть условіемъ ни выбора, ни вызова, ни вообще какого бы то ни было психическаго процесса, ибо оно исключаетъ возможность всякаго процесса. Такого состоянія и нѣтъ въ действительности. Бываютъ только состоянія болѣе или менѣе спокойныя или, что все равно—болѣе или менѣе беспокойныя. Разграничить ихъ невозможно, а такъ какъ за самимъ человекомъ признава уже способность *самонастроенія*, то тѣмъ самымъ дается ему возможность, до известной степени, приводить себя въ спокойное состояніе—до какой именно степени?—этого никто даже лично про себя не можетъ сказать. Такимъ образомъ, стирается сама собою черта разграниченія произвольнаго съ непроизвольнаго (на первый разъ хоть въ области психической); выходитъ, что кругъ произвольныхъ дѣйствій можетъ расширяться безпредѣльно и можетъ также сжиматься до точки; выходитъ, наконецъ, что расширение и сжатіе его зависятъ отъ самого человека.

Все это говорю и съ своей точки зрѣнія; но материалистъ отнесется, вѣроятно, къ *самому* человеку гораздо строже. Онъ пожелаетъ узнать, откуда взялся въ послѣднюю минуту этотъ Deus ex machina, и спроситъ насъ: да развѣ не самъ человекъ мыслитъ, не самъ чувствуетъ, не самъ испытываетъ

побужденія? Что же за существо этотъ *самъ* человекъ въ отличіе отъ человека мыслящаго, чувствующаго и желающаго? Всмотрѣвшись ближе въ черты его, материалистъ, не безъ основанія, заподозритъ въ немъ старатаго зинкомата, котораго вы же выгнали изъ области положительнаго знанія и который неожиданно прокрался въ нее опять, подѣ другимъ именемъ и съ новымъ видомъ. Дѣйствительно, *самъ* человекъ не иное что какъ *der Mensch an sich*, известный призракъ чего-то будто бы существующаго по себѣ, помимо и вне всѣхъ отличительныхъ признаковъ своего бытія, стало быть, отвлеченное, безсодержательное понятіе, которое вдругъ олицетворяется и получаетъ чудодѣйственный даръ безпричиннаго творчества надъ самимъ собою. Это противорѣчить всему предъидущему. Нѣтъ послѣдствія безъ причины, нѣтъ дѣйствія безъ побужденія, и дѣйствіе выбора или вызова побужденія, какъ всякое иное дѣйствіе, все таки ничѣмъ инымъ обусловлено быть не можетъ, кромѣ предшествующимъ побужденіемъ, хотя бы моментальнымъ и потому ускользающимъ отъ сознанія. Отвлеченная мысль, на которой сознательно остановилось вниманіе, есть уже мысль, ставшая въ известное отношеніе къ онцирующему субъекту, и въ призракахъ и сравненіяхъ, приведенныхъ на стр. 193 и 194, на самомъ дѣлѣ происходитъ не выборъ между многими отвлеченными понятіями и представленіями, а та же, механическая борьба когда то пережитыхъ, воскресившихъ побужденій, о которой было говорено выше. Мнѣ кажется, что въ диспутѣ съ вами, основываясь на вашихъ послышкахъ, материалистъ былъ бы не неправъ, и, признавъ вамъ, и объ этомъ особенно и не тужу. Я дорожу вашею VII-ю главою, именно какъ неудачною попыткою. Вы едвали положительнаго все возможнаго, чтобы спасти хоть малую толщину свободы; но вы не спасли ее, и ваши усилія, печерывающія всѣ средства зашиты отъ материализма, служатъ для меня полнымъ доказательствомъ невозможности отстоять свободу при тѣхъ давленьяхъ, изъ которыхъ вы выходите, и въ томъ смыслѣ, въ какомъ вы ее опредѣляете, то есть только какъ принадлежность личнаго, индивидуальнаго, человеческого существованія (стр. 205).

В области науки, мысль подчиняется только своим законам, то есть законам логики, и идет себя без оглядки на конечные результаты, не спрашивая, как и зачем отзовутся они на практике. Но этому, и не стала бы смотреть на внешнюю труд с этой стороны, если бы вы сами не раскрыли ей перед читателями, указав им на психологию, заглянув на прачешане против нравственных недугов, которыми томится современный человек. В главе I-й и в заключении вы дали прекрасные, глубоководные и почувствованные страницы о симптомах господствующей в наше время болезни, так верно вами названной оскудением или нехуданием личности. Но каким образом укралось от вас, что вы прописывали ей, в виде рецепта, ту самую отраву, которую она испорчена, или, говоря языком психологов, что корень болезни заключался в тех самых психических моментах, на которых вы строили будущую психологию?

Современный человек, говорите вы, сам себя ни во что не ценит. Это, конечно, не значит, чтобы он стал равнодушным к своему существованию и не заботился относительно улучшения своей обстановки; в этом отношении бы было упрекнуть его. Ценность, которую человек придает своей личности, находит не там, чего он требует для себя, а там, чего он требует от себя, и в этом смысле не согласен с вами не согласен. Но с чего же стал бы он относиться к самому себе через чужую зависимость и строго? Все, что составляет содержание его внутренней жизни, весь запас его представлений и возвышеннейших идеалов, весь инстинктивный и сознательный, там, в среде ему неподвластной и от него независимой, начало и причина лучшего его бытия; под влиянием или свирепостью, но в обоих случаях неограниченной силой той же среды проходит не его жизнь. Даже в борьбе волнующих его разнообразных побуждений не ищет он места для его самостоятельности. Выходит, что роль, на которую вы обрекаете бедную душу, не имеет уже ничего общего с старинными представлениями о страданиях, остановившемся на распутии и внимающем чужим то голодом, которые зовут его с разных сторон; она скорее напоминает другую легенду о прекрасной цыганке, кото-

рую ежегодно привозили к столбу, куда вили, прижавившие с разных концов мира, рубились и кололись из-за обладания ею. Сначала и она металась, но потом, убедившись, что ей не разорвать своих цепей, и привыкнув переходить из рук в руки, она угомонилась и впала в тупое равнодушие к битву, периодически возобновлявшейся в ее глазах.

Действительно, результаты, до которых дошла школа позитивистов и которые вы принимаете, означают некое разумное основание у *самозависимости*. Разберитесь, на чем держится это понятие. В одном месте нашей книги вы говорите, что „достоинство лица невысказано без предположения правил или начал, а такие правила или начала дает, кроме религии, только философия“. Здесь я позволю себе отговорку; точнее было бы сказать, что философия *считает* начала, но она не *дает* их никому, потому что ей вообще нет дела до субъекта, а начало или правило входит в жизнь субъекта только в той мере, в какой оно становится для него обязательным, иначе *долгом*. Между признанием начала и признанием долга различие та, что во втором случае предполагается возможность исполнения требуемого. В этом смысле можно сказать, что религия действительно дает каждому человеку правило жизни, потому что религия приписывает живому началу всякого бытия не одну законодательную власть, но и творческую силу как над каждым субъектом, так и над окружающей его средой. Это понятие выражается в учении о *промысле*. Говоря языком не церковным, предполагается, что существует разумное отношение и правильная соразмерность между двумя факторами, из которых складывается жизнь каждого субъекта, между свободной деятельностью, исходящей от самого человека, и воздействием на него извне обстоятельств ему неподвластных, между искушениями, которым он подвергается, и нравственною силой, данной ему для отпора. При этом предположении, одно и то же событие, независимо от общего своего значения в истории целого народа или всего человечества, является в судьбу каждого субъекта, которого оно касается, не как случайность, разстроившая ее, а как

слово прямо къ нему обращенное, имѣющее свой особенный смыслъ для него лично. Я знаю, что въ глазахъ положительнаго знанія все это не болѣе, какъ фикціи младенческаго воображенія, съ которыми оно данно раздѣлялось; нусть такъ, но тогда не скорбите объ утратѣ другихъ фикцій, неразрывно съ ними связанныхъ, какъ то: самовмѣненія, совѣсти, суда челоуѣка надъ самимъ собою и т. п. Не удивляйтесь, что, по изгнаніи изъ душевной храминъ раскаянія, молитвы и бесѣды съ Богомъ, въ ней ощущается теперь какая то пустота и неприятный холодъ. Съ средою нельзя бесѣдовать; она глуха, слѣпа и не знаетъ субъекта.

Вы замѣчаете, и очень вѣрно, что въ безсодержательной, блѣдной, неинтересной внутренней жизни современнаго челоуѣка нѣтъ больше сюжета для драмы. Да откуда же ему вѣстись? Можно ли задумать драму на тему: чанба, въ которой лежало побужденіе вѣснншея пудъ, перетянула чашку, въ которой побужденіе вѣснншея футъ; или: по закону нецѣстивной необходимости вышала кирничъ изъ стѣны, по закону психической необходимости шель мимо челоуѣкъ на свиданіе; эти дѣй необходимости случайно встрѣтились (и говорю *случайно*, потому что встрѣча, смыслъ имѣющая, предполагала бы Промыслъ), и нещечернанныя, недожитая жизнь порвалась случайно. По спрашивается: кто же отыщеть у субъективной жизни ея смыслъ и художественную полноту ея? Кто изуродовать ее во вѣхъ ея моментахъ огрѣченіемъ отъ нея послѣдшаго дѣйствія, загробнаго суда, этой необходимой ея развязки, которой предчувствіе составляетъ главный интересъ земной жизни?

Отпуская въ могилу отелужившую плоть челоуѣка, Церковь провозглашаетъ ее словами: земля еси и въ землю отыдеши. Вы тоже вырыли могилу, назвали ее психологіею, и, пригласивъ большую душу современнаго челоуѣка улечься въ ней заживо, вы обращаетесь къ ней съ тѣми же почти словами. Вы говорите ей: отъ земли еси и съ плотью преидеши. Отымъ ли вы надѣетесь нещлать ее?

Вообще, книга ваша поражаетъ меня глубокимъ противорѣчіемъ нашихъ требованій тѣмъ выводамъ, къ которымъ вы пришли. Мнѣ кажется, что она не можетъ насъ удовлетво-

рить и что вы долго на нихъ не остановитесь. Вы стоите на острѣй ножа и должны непремѣнно склониться на ту или другую сторону, то есть окончательно усвоить себѣ матеріалистическое воззрѣніе, или взять назадъ много изъ сдѣланныхъ нами ему уступокъ. Я знаю, что гораздо легче сдѣлать первое, чѣмъ послѣднее, но ваша книга свидѣтельствуетъ о полной неспособность мысли, не боищейся одиночества, — и потому трудность подвига никогда насъ не огантовить.

Я пыкалась вамъ мое мнѣніе съ тою рѣзкою откровенностью, которой вы отъ меня требовали и на которую ваша добросовѣстность дала вамъ полное право. Повторю опять, повсе не какъ условную фразу, а совершенно искренно, что я все таки не считаю себя судьей компетентнымъ. Личное убѣжденіе, самое даже твердое, далеко еще не даетъ условія, нужнаго для вѣрнаго сужденія о чужомъ убѣжденіи. Считаю не лишнимъ уведомить васъ, что я проважу въ деревнѣ, вѣроятно, еще долго, до зимняго пути, но навѣрное не могу опредѣлить времени моего отъѣзда. Поэтому, еслибы вы подумали отвѣчать мнѣ и при томъ не скоро, то лучше адресуйте въ Москву, въ Ордынку, въ Толмачихъ, въ домъ Графини Солягоубъ, а если скоро, то прямо и просто въ Сызрань. Впрочемъ, зимою я буду въ Петербургъ и тамъ непременно съ вами увижусь.

Глубоко васъ уважающій и искренно вамъ преданный,

Ю. Самаринъ.

P. S. Я началъ это письмо по критичамъ замѣчкамъ, которыя дѣлалъ при чтеніи, и не сообразилъ, что у меня можетъ быть не хватить голубой бумаги, которой достать здѣсь негдѣ. Пришлося кончить на бѣлой. Извините ужъ за одно — разнородность бумаги и безсвязность содержанія.

с. Васильевское,
Октябрь 1872 г.

отвлеченной мысли, то очевидно не может действовать на него иначе мотив, возникший самъ собою, безъ всякаго участія психической свободы. Стало быть, и никакъ нельзя основаніе сказать, что всякое побужденіе, какъ вызванное, такъ и безъ зова вышешее, обуславливаетъ повольные поступки, и теперь, перечитавъ внимательно страницы 194 и 195 вашей книги и листы 206 и 207 отвѣта, я все-таки недоумываю: чѣмъ я погрѣшилъ и подаль поводъ къ возобновленію точнаго смысла сказаннаго вами? На томъ же 207 листѣ вы заявляете, что „выборомъ, въ дѣйствительномъ и точномъ смыслѣ слова, можетъ быть названъ только тотъ, который дѣлается безъ всякаго побужденія“. Не значить ли это, что ощущеніе побужденія, само по себѣ, исключаетъ проявленіе психической свободы?

7. *) О „самомъ чловѣкѣ“ или о „самой душѣ“ какъ источникѣ вольной дѣятельности, и упоминалъ некогда, не выискивая моей мысли, и оттого мое замѣчаніе легко могло показаться вамъ неосновательною придиркою **). Позвольте мнѣ договорить недокazanное въ первомъ письмѣ.

*) 7-е возраженіе Ю. Ф.— оно было напечатано на стр. 342 — 344 Польской книжки „Вѣстникъ за Европу“ 1875 г. *Прим. изд.*

**) Эти слова относятся къ слѣдующему возраженію К. Д. Кавелина. Приводимъ его въ той, очевидно, извѣстной редакціи, какъ оно было напечатано въ „Вѣстникѣ Европы“ (Поль, стр. 340). „Противъ возраженій, направленныхъ на мою попытку внести самопроникновенность въ кругъ научнаго знанія, отыскать его объективныя признаки и определить его научную формулу и приволя рядъ опроверженій, на основаніи, впрочемъ, нею той части аргументаціи, въ которой Ю. Ф. Самарахъ особенно плаветъ на противорѣчіе, будто бы, существующее между вольнѣ предстѣленіемъ о самомъ чловѣкѣ и возможъ ограниченнѣ субъекціи. Въ главѣ V-ой „Задача Психологіи“... я старался доказать, что существо, природа души не доступны нашему знанію; доступны намъ только влеченія, т.-е. способности души и ея строеніе. Объ нихъ я говорю очень странно и... пошлывало, каковыя образомъ способности души, раздѣлены, обращены въ самой себѣ и къ тому, чѣд въ ней содержится, есть источникъ ин самодѣятельности и самопроизвольности, причина психической инициативы и свободной воли... Не желая поддѣстуннаго знанію существа души, я старался объяснить возможнѣ самопроникновенности — единственное, чѣд индукъ доступно. Мнѣ казалось, что это совѣтъ не то, что метафизическій и философскій *der Mensch an sich*, чловѣкъ по существу, и потому замѣчане, будто бы влеченія у меня въ концѣ книги, какъ *Deus ex machina*, казалось мнѣ несправедливымъ“. *Прим. изд.*

Что такое самъ чловѣкъ? Вы отвѣчаете: это чловѣкъ, отрѣшившійся отъ окружающей его матеріальной среды, отъ своего тѣла, отъ своихъ представленій, мыслей, желаній, побужденій, страстей, отъ всего содержанія своей психической жизни и отъ ея процессовъ („Задачи Психологіи“, стр. 201 и 202). Стало быть, дополниаю я: чловѣкъ сошедшій съ себя всѣ свои признаки, опредѣленія и свойства, короче: сущность чловѣка. Но на страницѣ 148-й мы уже прочли, что сущность или субстанція (*Ding an sich*) есть чистая объясченность, не ничто непостижимое, а „миръ въ умѣ“. Какимъ же чудомъ этого миракъ могъ превратиться въ олицетвореніе свободно творческой силы и сдѣлаться волящѣмъ субъектомъ? Вы говорите, что освободившись отъ всего, душа вынуждается, наконецъ, искать точки опоры въ себѣ самой, а я дополниаю ваши слова: и не найдетъ ея, ибо сама душа то же, что сущность души, то-есть опять-таки приракъ.

Вы разрѣшаете это недоумѣніе указавшемъ на способность души отражаться въ себѣ самой. Все ея внутреннее богатство остается при ней, но она совершенно сознательно относитъ къ нему, какъ къ чему-то вышнему, постороннему; оттого-то де и можетъ она сама черпать изъ него любовь, выбирать оттуда, по совѣтешному своему почину, волины, опредѣляющіе ея свободную дѣятельность („Задачи Психологіи“, стр. 199). Этою способностью самоотраженія вы объясняете вольныя психическія дѣйствія и предлагаете свое объясненіе, какъ дополненіе къ теоріи Ст. Милля, который, по замѣчанію вашему, оставилъ безъ отвѣта вопросъ о томъ, каковымъ образомъ воля можетъ обратиться въ побужденіе? („Задачи Психологіи“, стр. 189 и 190).

Не знаю, вѣрно ли я васъ понялъ, но мнѣ представляется здѣсь недоразумѣніе. „Самъ чловѣкъ, сама воля, сама душа“, всѣ эти выраженія, въ настоящемъ случаѣ, значить, очевидно, одно и то же, употребляютъ вами и Миллемъ въ смыслѣ самоопредѣляющагося субъекта. Объяснить нужно процессъ самоопредѣленія, но ни вы, ни онъ не объяснили его. Указанный вами способность души отражаться въ себѣ самой есть не болѣе, какъ одно изъ условій, безъ котораго самоопредѣленіе было бы невозможно, а отнюдь не причина

его, не пружина свободной деятельности. Въ самомъ процессѣ самоопредѣленія, въ томъ видѣ, въ какомъ онъ вамъ представляется, я встрѣчаю неразрѣшимое противорѣчіе. Душа, обособившаяся отъ всего своего содержанія, не ощущающая никакого побужденія, созерцаетъ внутреннимъ зрѣніемъ множество какъ бы разложенныхъ передъ нею обидныхъ, отвлеченныхъ мыслей, нѣтъ которыхъ вѣжды способна сдѣлаться мотивомъ для дѣйствія. Вдругъ эта душа на одной изъ нихъ останавливается, устранивъ всѣ остальные; эту избранную ею мысль она себѣ усвоиваетъ, тѣмъ самымъ подчиняется ей и, такимъ образомъ, отвлеченная мысль превращается въ побужденіе къ дѣйствию. Такойъ начальный моментъ волеи дѣятельности. Но, повторю еще разъ, тѣмъ же самая эта остановка, самый этотъ выборъ, самое это усвоеніе не поступокъ по себѣ, помимо всѣхъ дальнѣйшихъ послѣдствій и промѣнѣй ad extra, которыя могутъ и не осуществиться? По свидѣтельству людской совѣсти, это дѣйствительно и въ полномъ смыслѣ слова поступокъ, при томъ сознательный и вѣдѣемый. Между тѣмъ, на страницѣ 189-й было уже заявлено, что безъ мотива (иначе безъ побужденія) совершаются только дѣйствія безсознательныя или хотя и сознаваемые, но происходящія рефлективно. Стало бытъ, выборъ и усвоеніе отвлеченной мысли совершился въ силу предшествовавшаго имъ и сознаваемаго душею побужденія; иначе она пребывала бы вѣчно въ спячѣномъ созерцаніи.

Откуда же взялось это побужденіе въ самой душѣ, т. е. въ душѣ, отрубившейся отъ всѣхъ внѣшнихъ и внутреннихъ мотивовъ, и какъ объяснить эту своего рода generatio aequivoca? На этотъ вопросъ не дали отвѣта ни покойные идеалисты, ни Ст. Милль, ни вы. Повторю еще разъ: всѣ говорятъ въ сущности одно и то же: человѣкъ сознаетъ себя свободнымъ, стало бытъ онъ свободенъ. Если ничего большаго и сказать нельзя, то дѣйствительная или только кажущаяся несостоятельность этого вывода, сама по себѣ, не дала бы темы для критики собственно на вашу книгу, но дѣло въ томъ, что вы сами отпали у себя право основываться на одномъ свидѣтельствѣ внутреннего сознанія. „Если лишь одно только сознаніе, говорите вы („Задачи Психологіи“,

стр. 21), устанавливало и опредѣляло психическіе факты, то нечего было бы и думать о положительномъ, точномъ ихъ изслѣдованіи“⁶. Психическій фактъ возмано самоопредѣленія оказывается именно такимъ. Въ той же вашей книгѣ я читаю: „только благодаря обнаруженію психической жизни во внѣшнихъ предметахъ и явленіяхъ становится возможнымъ на ряду съ знаніемъ природы, и положительное знаніе духовной стороны человека“ („Задачи Психологіи“, стр. 23). Но нѣсколько ниже вы же заявляете, что „по наружнымъ признакамъ произвольное дѣйствіе ничѣмъ не отличается отъ произвольнаго“ (стр. 188), иначе: свойство волеи, присущее дѣйствию, не переходитъ въ явленіе. И дѣйствительно, я сознаю про себя, что могу поднять руку или не поднимать ее, выгнуть ногу или не вытягивать ее; но разъ то или другое дѣйствіе исполнено, никто никогда не докажетъ, чтобы оно могло не совершиться. Въ виду всего этого, я и писалъ вамъ, что чистокровные позитивисты, въ которыхъ все-таки я не могу васъ причислить, по всей вѣроятности, не безъ основанія опрокинутся на вашу главу VII-ю о свободной дѣятельности души. Прибавлю теперь, по прочтеніи возраженія проф. Свечнова, что мои опасенія въ этомъ случаѣ не оправдались. Итакъ: сосуществованіе двухъ взаимно-исключающихся факторовъ (съ одной стороны—психической свободы, засвидѣтельствованной внутреннимъ сознаніемъ, съ другой—роковой необходимости, открываемой во всѣхъ явленіяхъ) и дознанная невозможность отыскать формулу ихъ примиренія—вотъ къ чему, въ концѣ-концовъ, приходитъ наука. Повидимому, оставалось бы самое это логическое противорѣчіе признать за фактъ, иначе за признакъ пертурбаціи въ самой жизни, но на этомъ я останавливаюсь, ибо дальнѣйшій шагъ, дѣйствительно, введетъ бы насъ въ другую область.

8*). До сихъ поръ я указывалъ вамъ только на тѣ положенія наши, съ которыми я не могу согласиться; какъ вы видите, разномыслія между нами не мало, и они обнимаютъ самыя существенныя предметы. Тѣмъ не менѣе, не говоря уже о внѣшнихъ побужденіяхъ и чаяніяхъ, которыя я безоговорочно

⁶) 8-е значеніе Ю. Ф. — въ не было вычтено. *Ирж. изд.*

88) наша мысль? При чтеніи рождается недоумѣніе: какимъ образомъ наука можетъ знать о существованіи того, что не обнаруживается (во внѣшнихъ явленіяхъ), если такое обнаруженіе составляетъ непремѣнное условіе всякаго познания, и на оборотъ: почему бы то, что доступно знанію, не могло бы быть предметомъ наблюденія? Наконецъ, если есть хоть одинъ фактъ психическій, ни въ чемъ не обнаруживающійся, иначе отрѣшенный отъ всякой вещественной реальности, то какъ понимать положеніе о неразрывности и непрѣмѣнномъ сосуществованіи двухъ элементовъ, психическаго и реальнаго?

3) Въ сравненіи множества явленій, суммируя *) больше общія и отбрасывая исключенія (другого способа доходить до законовъ наука не можетъ), она, положимъ, выработаетъ сводъ нравственныхъ правилъ. Вопросъ въ томъ: какимъ образомъ общій законъ сдѣлается закономъ лично для меня (für mich) или: какимъ образомъ правило перейдетъ въ субъективную обязанность? Вы прямо утверждаете, что общіе законы, открываемые точнымъ изслѣдованіемъ, принимаются личнымъ сознаніемъ, «обращаются въ личное убѣжденіе» и т. д. Но этикъ вопросъ не разрѣшается. На мой взглядъ, переходъ общаго нравственнаго закона въ субъективную нравственную обязанность

приуроченныхъ къ внѣшнимъ явленіямъ, могутъ быть и такія, которые не обнаруживаются въ объективныхъ признакахъ, остаются удѣломъ личного совѣданія того, въ комъ они происходятъ, и потому навсегда остаются недоступными для ея наблюденій». («Вѣстникъ Европы», Май 1875 г., стр. 389). *Прим. ижд.*

*) Это замѣчаніе служитъ отвѣтомъ на слѣдующія слова К. Д. Кавеліна: «Для общаго закона постановка, или ли обойти, не исключитъ нельзя. Число закона, открываемые точнымъ изслѣдованіемъ, сдѣлавшись предметомъ лично индивидуальнаго сознанія, обращаются въ личное убѣжденіе и служатъ основаніемъ того кодекса нравственности, которому мы считаемъ себя обязанными добродѣльно слѣдовать не только во внѣшнихъ своихъ поступкахъ, но и во внутреннихъ движеніяхъ, на сколько они зависятъ отъ нашей воли. Я глубоко убѣжденъ въ томъ, что законы нравственности, выведенные изъ положительнаго изученія природы и науки о человѣчествѣ общезнати, совпадаютъ съ правилами нравственности, которыми учить Библия». («Вѣстникъ Европы», Июнь 1875 г., стр. 779, 780). *Прим. ижд.*

обусловливается увѣренностью въ томъ, во 1-хъ, что требованіе нравственнаго закона непрѣмѣнно фактически оправдается окончательнымъ торжествомъ нравственнаго начала, не только въ судьбѣ общества или всего человѣчества, но и въ личной судьбѣ каждаго субъекта (момента загробнаго суда, вѣчной жизни или осужденія); во 2-хъ, что въ той мѣрѣ, въ какой дано личному сознанію разумѣніе нравственнаго закона, дана личной волею способность и возможность исполнить его; иными словами: что каждый субъектъ стоитъ передъ лицомъ не безличнаго закона, а живаго Законодателя, который есть и мѣтель и Творецъ. Ни той, ни другой увѣренности положительная наука дать не можетъ, а помимо этихъ двухъ предположекъ, и не вижу возможности найти твердое основаніе для нравственности, разумья подъ этимъ послѣднимъ словомъ не книгу, не сводъ законовъ общественнаго благоденія, а нравственную жизнь.

4) То, что здѣсь, (стр. 101) *) мнѣ приписывается, не выражаетъ моей мысли, но я сознаюсь, что самъ подалъ поводъ къ недогадыванію, не договоривъ того, что я понималъ. Пусть личнаго опыта доходить до человѣка только начальное откровеніе, необходимая предпосылка дальнѣйшаго. Въ своемъ личномъ сознаніи человѣкъ обращаетъ снѣ-

*) «По мнѣнію Ю. О. Самарина, религія есть дѣло личной обязанности, и только сознано свидѣтельствуетъ объ истинныхъ религіозныхъ свойствахъ. Въ то же время Ю. О. Самаринъ утверждаетъ, что какое нравственное требованіе терпѣть своею обязанностью, если не основано на дѣйствительныхъ религіозныхъ свойствахъ. Первое мнѣ кажется безспорнымъ. Религія чѣмъ отличается отъ науки, что первая говоритъ личному сознанію, а послѣдняя прежде всего стремится установить объективные, обязательные для ума приличія истины. Но съ мыслию, будто нравственное требованіе, не основанное на дѣйствительныхъ религіозныхъ свойствахъ, необязательно, никакъ нельзя согласиться. Въ словъ Ю. О. Самарина слѣдуетъ, что люди, не обладающие въ своемъ сознаніи дѣйствительныхъ религіозныхъ свойствъ, не могутъ быть нравственны въ строгомъ смыслѣ слова. Но дѣйствительные свойства могутъ быть очень разнообразны и, смотря по вѣроисповѣданіямъ, даже противорѣчны. Согласенъ съ тѣмъ и нравственнымъ требованіемъ могутъ быть несравненно и даже противоположны другъ другу. Какъ же согласить ихъ въ общезнати?» («Вѣстникъ Европы», Июнь, 1875 г., стр. 780). *Прим. ижд.*